
Илья Насыртдинов
Долгий путь в Рим
SPQR

илья Насыртдинов

Долгий путь в Рим

https://litres.ru/74747292
SelfPub; 2026

Аннотация

Британия. 441 год.

Говорят, чудовищ не существует. Что все истории о них — лишь сказки, которыми пугают детей у костра.

Но что, если сказки лгут?

Орест и Пилад с детства знают, что скрывается за пределами человеческого мира. Они не раз сталкивались с тем, от чего другие предпочли бы бежать без оглядки. Но даже опытным охотникам неведомо, насколько опасным может оказаться путь, который им предстоит пройти.

Старые земли хранят забытые тайны, в лесах кто-то наблюдает из темноты, а за обычными людьми порой скрывается нечто гораздо более страшное.

Впереди их ждут дальние странствия, морские приключения, древние легенды и встречи, после которых уже не получится остаться прежними.

Но самое трудное испытание — не всегда то, в котором нужно сражаться.

Иногда страшнее всего сделать выбор, который навсегда изменит твою жизнь.

Содержание

Часть I 4
Глава Первая. Аквы Сулиевы, 441 год от Рождества Христова 5
Глава Вторая. Герои великой истории 8
Глава Третья. Детство в Аквах 17
Глава Четвёртая. Первое столкновение 28
Глава Пятая. Месть 42
Часть II 56
Глава шестая. Взросления 56
Глава седьмая. Странный сон 59
Глава Восьмая. Знакомые лица 63
Конец ознакомительного фрагмента. 69

Долгий путь в Рим

Часть I

Глава Первая. Аквы Сулиевы, 441 год от Рождества Христова

Наша история начинается в Британии — в славном городе Акв-Сулис. Точнее, в том, что от него осталось. Был 441 год от Рождества Христова. Еще в 410-м император Гонорий отправил британским городам короткое послание: «Защищайтесь сами». Тридцать лет жители Акв ждали, что когорты вернутся. Но легионы не пришли.

К 441 году Аквы Сулиевы — тень того, чем были. Термы

остыли, вода ещё текла, но трубы проржавели, и горячий источник разлился по улицам, затопив подвалы. Храмы стояли без крыш, просто голые стены, словно не римляне ушли, а сам бог покинул это место. Все статуи были разрушены. Остатки людей сбрасывали их в порыве ненависти к ушедшим хозяевам, кто-то просто искал бронзу, чтобы переплавить на наконечники стрел. Мраморные головы валялись в крапиве, богини смотрели пустыми глазницами в серое небо Британии, и никто не поднимал их.

Форум зарос травой а колонны разобрали по домам, свинец с труб ушёл на пули. Пустые дома оседали под дождём, и сквозь провалившиеся крыши пробивалась бузина. По ночам в руинах выли собаки.

В городе осталось меньше сотни. Мужчины, способные держать меч, ушли с последними легионами. А по ночам стариков и детей забирала стрига. Никто её не видел. Только слышали — как скребётся по черепице и зовёт по имени шёпотом. Утром находили только открытую дверь и сырой след на камне. Бритты с холмов не нападали — им нечего было здесь брать. Они ждали, когда город сделает последний вздох. Но стрига не ждала. Она дышала городу в затылок.

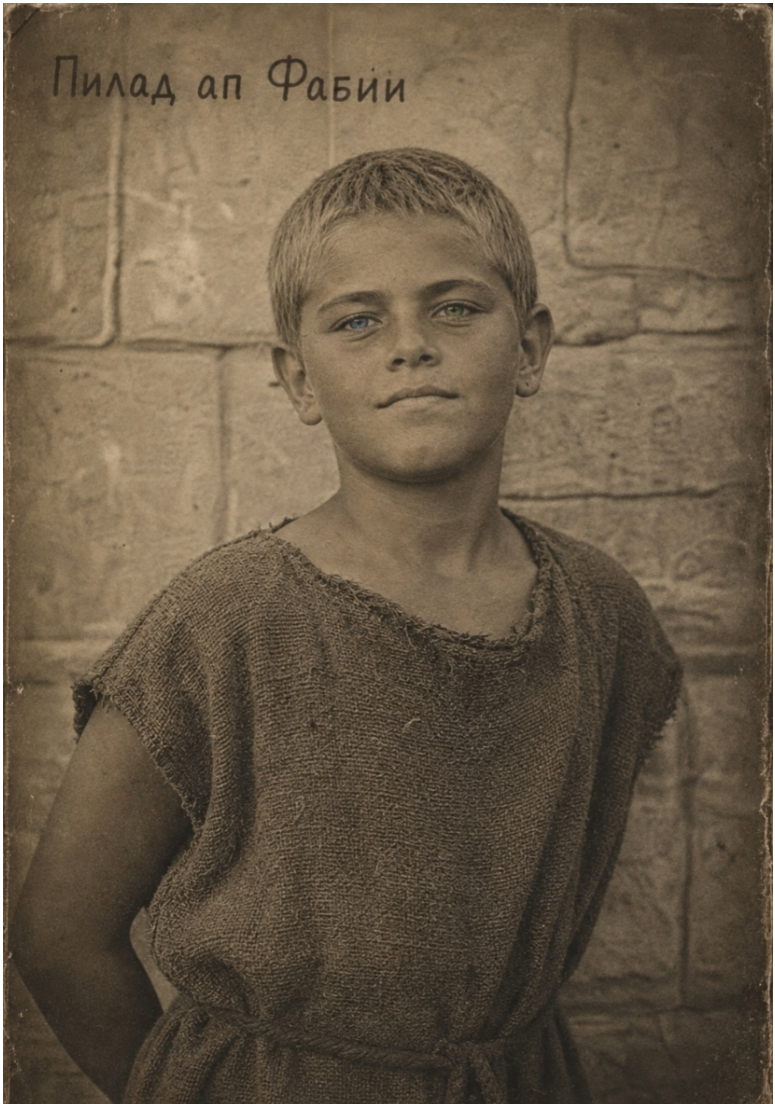
В забытые города всегда приходит то, что живёт между теней. Оно не смеет показаться там, где гремят колёса по мостовой, где люди смеются. Но когда город затихает, от людей остаются только тени на стенах — оно выползает. Ему нужна пустота и страх, разлитый по домам, как туман. Оно боится

не мечей и не молитв. Оно боится только одного — когда люди собираются вместе. Потому что толпа — это стена. А в Аквах Сулиевых стен больше не осталось.

Глава Вторая. Герои великой истории

Орест и Пилад слонялись по обломкам города с самодельными луками. Они «охотились» на лемуров — бесплотных духов, что поднимались из заброшенных могил. Взрослые боялись даже произносить их имена, а мальчишки устраивали на них засады среди разрушенных плит.

орест Ап канон

Пилад ап Фабии

— Я попал в голову! — кричал Орест, размахивая луком.

— Да не попал, — с насмешкой отвечал Пилад. — Ты в стену попал я же видел, Орест. В голову надо целиться, а не в камни.

— А ты вообще промахнулся! Он стоял как истукан, мёртвый он уже две недели, а ты в трёх шагах не попал!

— Они танцуют, дурак, — Пилад скривился, изображая лемура. — Они всегда чуть-чуть двигаются. Даже когда стоят.

Они спорили, хохотали и не замечали, как солнце клонится к западу. В городе, где каждый боялся ночи, они ее не боялись. Может, потому что были слишком молоды, или же вдвоём лемур казался просто целью.

Но мать Пилада уже вышла на улицу. Она звала их по имени, и в голосе её слышалось дрожь

Родители Ореста умерли от стриги. Пилад помнил, как друг тогда не плакал, а смотрел на открытую дверь и молчал. И сейчас, когда мать Пилада кричала в темнеющее небо.

— Солнце садится. Пора.

Орест хотел возразить, но спорить не стал.

Мальчишки бросились к дому и ввалились на порог за пару минут до темноты.

— Я первый! — крикнул Пилад, хватая ртом воздух.

— Да одновременно зашли, — Орест толкнул его плечом, но Пилад вдруг осекся.

В доме было слишком тихо. Очаг погас, а из глубины комнат тянуло холодом. Дом был маленьким, одна комната с земляным полом, глиняный очаг в углу, лавка да пучок сухих трав на стене. Всё на месте кроме матери.

Пилад заметался. Заглянул за очаг, рванул дверь, выглянул на улицу и тут же с грохотом захлопнул.

— Мама! — закричал он. — Мама!

— Да тише ты! — Орест схватил его за плечо. — Стрига услышит. Тётя Аридея у бабы Сары, наверное. Зашла, заговорилась, сейчас придёт.

Пилад замер, уставившись на пустую лавку.

— Нет. Она пошла нас искать. Ты не стал меня слушать, и мы пошли убивать лемуров. Надо было сразу домой идти. Я же говорил тебе, Орест! Тебе-то что… Тебе же не впервой терять родных.

Он замолчал но было поздно.

Лицо Ореста исказилось. По щекам побежали слёзы.

Дверь распахнулась.

На пороге стояла Аридея. Запыхавшаяся, с мокрыми от пота волосами, прилипшими ко лбу, она смотрела на них широко раскрытыми глазами.

А потом шагнула вперёд и сгребла обоих мальчишек в охапку, прижимая к себе так крепко, что у Ореста заныли ребра.

— С вами всё хорошо, — шептала она, прижимая их к себе, гладя по головам и ощупывая плечи. — О, великая Су-

лис, я так испугалась. Бегала по всему городу, кричала, искала вас, а вы…

Она отстранилась, взяла их лица в ладони:

— Пообещайте мне. Пообещайте, что никогда больше не будете уходить так поздно. Слышите? Никогда.

Орест уткнулся носом в её плечо. Пилад стоял рядом, прижатый к ней с другого бока.

Орест уже почти не держал зла на его слова. Он знал Пилада с пеленок: друг всегда был резким на язык, в гневе мог наговорить всякого, а потом молча остывал.

Мать Аридея сняла с полки чёрствый кусок хлеба — почти всё, что оставалось на ужин. Отломила два куска, протянула мальчикам, а сама осталась без ничего.

Они сели за шаткий стол с обломанной ножкой, под которую мать подложила камень.

— Ешьте, — тихо сказала Аридея. — Завтра будет новый день.

Пилад всё ещё не смотрел на Ореста, но плечи его уже не казались такими напряжёнными.

Она перевела дух и тоже отломила маленький кусочек хлеба.

И тут заговорил Пилад.

Он откусил хлеб, прожевал и сказал, с вызовом:

— Мы сегодня убили лемура, мама. Скоро совсем ларвы исчезнут.

лемуры

Аридея положила хлеб на стол и посмотрела на них

— Боги мои, мальчики, — сказала она устало. — Когда вы перестанете заниматься этой ерундой? Вы посмотрите на Адриана. Помогает родным с детства, на ферме работает. У них всегда есть и мясо, и хлеб, и молоко.

— Адриан? Этот плакса? — Пилад скривился, как будто съел что-то кислое. — Не сравнивай нас, героев, с этим фермером. Он даже палку в руки взять боится, а мы сегодня лемура завалили. Честное слово.

— И что с того, что вы завалили? — Аридея повысила голос, но не кричала. — Фермер, говоришь? А у фермера всегда есть что поесть. А мы вот чёрствый хлеб жуём, и я рада, что он у нас вообще есть.

— Мама, когда мы очистим город от монстров, у нас будет мнооого еды.

Он протянул гласную, и откинулся на лавке с победной ухмылкой.

Аридея покачала головой, вздохнув, но в глазах мелькнула улыбка.

— Мнооого еды, — передразнила она тихо. — Сначала доживите до завтра, герои мои. А еда подождёт.

Она поднялась и пошла к очагу подбросить дров.

Мальчики переглянулись.

Глава Третья. Детство в Аквах

Ночь сменилась днем. Как обычно, утром мать Аридея собиралась идти трудиться на ферму в коммуну.

аридея

— Мальчики, а сегодня вы не хотите со мной пойти?

Пилад ответил, даже не подняв головы от своего лука, который он привычно натягивал, проверяя тетиву:

— Нет, мам. Если мы пойдём на ферму, кто же будет очищать город от зла?

Аридея закатила глаза. За это время она привыкла к этим разговорам. Каждое утро одно и то же.

— Очищать город, значит, — протянула она с усмешкой. — А вчера вы очистили дом старой Виргинии? Ей крышу чинить надо.

— Крыша не убежит, — отрезал Пилад. — А лемуры — они каждую ночь вылезают. Ты же сама говорила, мам, что боишься за нас. Вот мы и боремся. Чтобы ты не боялась.

Аридея открыла рот, потом закрыла его. Посмотрела на Ореста, который уже натягивал сапоги, и покачала головой.

— Ладно, — сказала она тише. — Только обещайте мне: когда солнце начнёт садиться — сразу домой. Слышите? Я приду с фермы, и вы должны быть на месте.

— Слышим, мам! — крикнули они хором.

Она вышла захлопнув тяжёлую дверь

Пилад сразу вскочил на ноги.

— Итак, Орест. Сегодня у нас по плану найти портунов. Последний раз они были на севере, у старой дороги к городу.

Портуны

— Пилад, слушай… Может, пойдём починим крышу Виргинии? Всё равно, пока мы ищем портунов, можно по пути зайти. Герои ведь помогают слабым.

Пилад нахмурился, обдумывая. Потом его лицо озарилось.

— Да, ты прав, — сказал он. — Это хорошая идея. Плюс с крыши будет лучше обзор, чтобы найти портунов. Если они на севере. с высоты их проще заметить. Мы и дело сделаем, и разведку проведём. Два зайца сразу убьем.

Он хлопнул Ореста по плечу и улыбнулся.

— Ты умнеешь, брат, — сказал он. — Ещё немного, и я начну брать с тебя пример.

— Только попробуй, — усмехнулся Орест.

Они вышли из дома и направились к старой Виргинии.

В это время под палящим солнцем Аридея окучивала грядки — репу, которую здесь по привычке звали на римский манер «рапа». К ней подошла Зиндея — женщина крепкая, с тяжёлыми бёдрами и вечно недовольным лицом.

Она оперлась на мотыгу и смерила Аридею взглядом: — Как дела, Аридея?

— Всё хорошо. Спасибо.

— Твои сорванцы опять не пришли?

— Зиндея кивнула в сторону пустующего края поля.

— Нет. У них миссия, — и в голосе Аридеи послышалась тёплая усталость.

— А-а, ну да, — Слушай, может, пора приучать их к труду? Не всё же по развалинам бегать да монстров бить. Всех не перебьёшь, а коммуну кормить надо.

— Я согласна, — вытирая лоб, ответила Аридея. — Но они же дети. Пусть побудут детьми. Радости в этом городе и так немного, чтобы отнимать у них и это.

Зиндея скрестила руки на груди:

— Моя Аливия с шести лет на полях пашет, а твоим лбам уже по десять. Хотя… какому твоим. Твоему-то одному. — Она осеклась, но тут же продолжила: — Вообще не пойму: у вас и так крохи, а ты взяла к себе чужого пацана. У Ореста наверняка родня в Риме осталась, чего они его не забрали?

Аридея медленно выпрямилась. Поправила платок и посмотрела на соседку так, что та на мгновение отвела глаза.

— Знаешь что, Зиндея, — холодно произнесла Аридея. — Может, родня в Риме и есть. Только за ним они не пришли. А я пришла и пока я дышу, он будет есть то же, что и мы. Даже если это чёрствый хлеб. Даже если это последнее. Потому что мать — это не та, кто родила а та кто не бросила. Поняла меня?

— Я просто…

— Хотела как лучше, — мягко перебила Аридея. — Я знаю. Но про Ореста при мне больше не говори. Никогда.

Зиндея коротко кивнула, подхватила мотыгу и отошла к соседней грядке, сердито бормоча что-то под нос.

Аридея осталась одна. Она посмотрела на раскалённое

небо, выжигающее остатки зелени из земли, и подумала о мальчишках. Главное, чтобы были счастливы. Хоть немного». Она вздохнула и снова взялась за мотыгу.

А мальчики уже пришли к дому старой Виргинии. Дом был пошарпанный — крыша просела, стены в трещинах, окна заколочены досками, крыльцо скрипело при каждом шаге.

Они обошли его от фасада до крыши и заглянули в щели.

Орест со вздохом сказал:

— Да-а-а… работы много.

Пилад кивнул, помолчал и протянул так же устало:

— Да-а-а.

Они стояли под палящим солнцем, и каждый думал об одном и том же: «И зачем мы сюда припёрлись?»

Но вслух этого не сказал никто. Потому что герои не отступают.

Пилад первым пришёл в себя. Хлопнул в ладоши и сказал бодро:

— Ладно! Давай разделимся. Я лезу наверх, проверю, где там самые большие дыры. А ты осмотри стены снаружи.

— Хорошо, — кивнул Орест. — Только не свались оттуда.

— Не свалюсь, — фыркнул Пилад, хватаясь за шаткую лестницу. — Ты лучше смотри, чтобы я не провалился внутрь, а то придётся тебе меня вытаскивать.

Он полез наверх. Лестница заскрипела и зашаталась, но Пилад ловко перехватился, добрался до края крыши и перемахнул наверх. Орест остался внизу, прошёлся вдоль стен.

Дом действительно был старый.

— Эй! — крикнул сверху Пилад. — Тут дыра такая, что можно корову протащить!

— Откуда в городе коровы? — крикнул в ответ Орест.

— Ну, образно! — отозвался Пилад. — Найди доски, и гвозди.

Орест пошёл искать.

А Пилад сидел на крыше, выискивая портунов.

Но его разведку прервал Орест, пришедший с досками. Он тащил их на плече, слегка согнувшись под тяжестью.

Он скинул доски на землю, упёр руки в бока и крикнул вверх:

— Ну, за работу, братишка!

Пилад перевёл взгляд на друга и невольно улыбнулся в ответ.

— За работу, — сказал он.

Они начали латать крышу.

Орест подавал доски снизу, ловко цепляя их на верёвке. Пилад принимал их наверху. Сначала получалось криво — одна доска торчала, другая лезла в сторону. Но потом рука привыкла, и пошло ровнее.

— Это тебе не в лемуров стрелять.

— Зато полезнее, — отозвался Орест. — Лемуры убегают, а крыша остаётся.

— Мудро, — засмеялся Пилад. — Ты у нас философ.

— А ты у нас воин, — парировал Орест. — Воин с кривы-

ми руками. Ты ту доску переверни, она вверх ногами лежит.

Пилад глянул, хмыкнул, перевернул.

— Ладно, — сказал он. — Может, из тебя вышел бы хороший строитель.

Они хохотали, ругались и спорили, Солнце палило, пот тёк по спинам, руки болели, но им было весело.

Вот уже заканчивались доски, и крыша меняла облик, становясь красивее. Пилад забил последний гвоздь, провёл ладонью по свежей древесине и довольно кивнул.

— Готово, — сказал он. — Теперь дождь не страшен.

Орест вытер пот со лба и посмотрел наверх. Крыша действительно выглядела иначе.

— Старая Виргиния будет довольна, — улыбнулся он.

Из-за пригорка, тяжело переставляя ноги и опираясь на клюку, плелась Виргиния. Она щурилась на солнце, пытаясь разглядеть, кто шумит у неё на крыше.

Заметив мальчишек она замерла. А задрав голову к свежезалатанной кровле, приоткрыла рот.

— Это… это вы? — спросила она хрипло. — Починили?

— Мы, — сказал Пилад, спрыгивая с последней ступени. — Теперь дождь не зальёт очаг.

Виргиния подошла ближе, разглядывая каждую доску.

— Боги вас благослови, — тихо проговорила она. — Я уж думала, сгнию здесь в сырости. А вы… настоящие люди.

Она порылась в складках платья и достала небольшой узелок.

— Вот. Лепёшки. Ещё тёплые. Я пекла утром, думала, на неделю хватит, но вам я отдам. Вы сегодня заслужили.

Мальчики переглянулись. Лепёшки были настоящим богатством.

— Спасибо, бабушка Виргиния, — сказали они почти хором.

Она покачала головой и улыбнулась, обнажив редкие зубы.

— Это вам спасибо. Давно я не видела такой доброты.

Пилад выпрямился. Грудь его расправилась, и на лице появилась та самая гордая улыбка, которую Орест знал так хорошо.

— Мы не герои, бабушка, — сказал Пилад, стараясь звучать скромно, но голос предательски звенел. — Мы просто делаем то, что должны

— Ой, не могу, — сказала она. — Настоящий воин вырос. — Она похлопала Пилада по плечу. — Ладно, идите, ешьте. Спасибо вам

Они забрали лепёшки, поклонились и пошли прочь.

— Ты видел её лицо? — спросил Орест, надкусывая лепёшку на ходу. — Она чуть не заплакала.

— Видел, — ответил Пилад. — Знаешь, Орест… может, мы не просто так это делаем.

— А для чего? — спросил Орест.

Пилад остановился. Повернулся к другу. И сказал:

— Чтобы этот город понял, что мы и вправду герои.

Они пошли домой. Солнце уже клонилось к закату, растягивая тени по пустым улицам и окрашивая руины в тёплый, почти золотой цвет. Город на мгновение стал красивым.

Они смеялись, толкали друг друга плечами и не заметили, как переступили порог.

Аридея сидела у очага. Увидела их весёлые лица, услышала смех — и сама невольно улыбнулась шире.

— О, а вы вернулись, — сказала она. — И даже живые. Неужели вы сегодня не гонялись за своими лемурами?

— Мы чинили крышу! — выпалил Пилад гордо. — Старой Виргинии. Она теперь как новая!

— А она дала нам лепёшек, — добавил Орест, вытаскивая из-за пазухи узелок. — Тёплых. Вот, мам… ой, тётя Аридея, попробуйте.

Аридея взяла лепёшку. Её глаза чуть увлажнились, но она быстро моргнула и улыбнулась.

— Молодцы, — сказала она тихо. — Настоящие герои.

Они уселись за стол. Лепёшки теплые и пахли зерном. Орест отломил кусок матери, она сначала отказывалась, но потом взяла. Пилад жевал и рассказывал, как он заколачивал гвозди, а Орест ему подавал, и как они спорили. А за окном тихо опускалась ночь. В доме было тепло. И пахло хлебом.

Глава Четвёртая.
Первое столкновение

Утро началось как обычно — с холодного очага и чёрствого хлеба. Аридея уже ушла в коммуну, оставив мальчикам наказ к вечеру вернуться домой.

— Ну что? — спросил Пилад, уже натягивая свой лук, который он никогда не выпускал из рук.

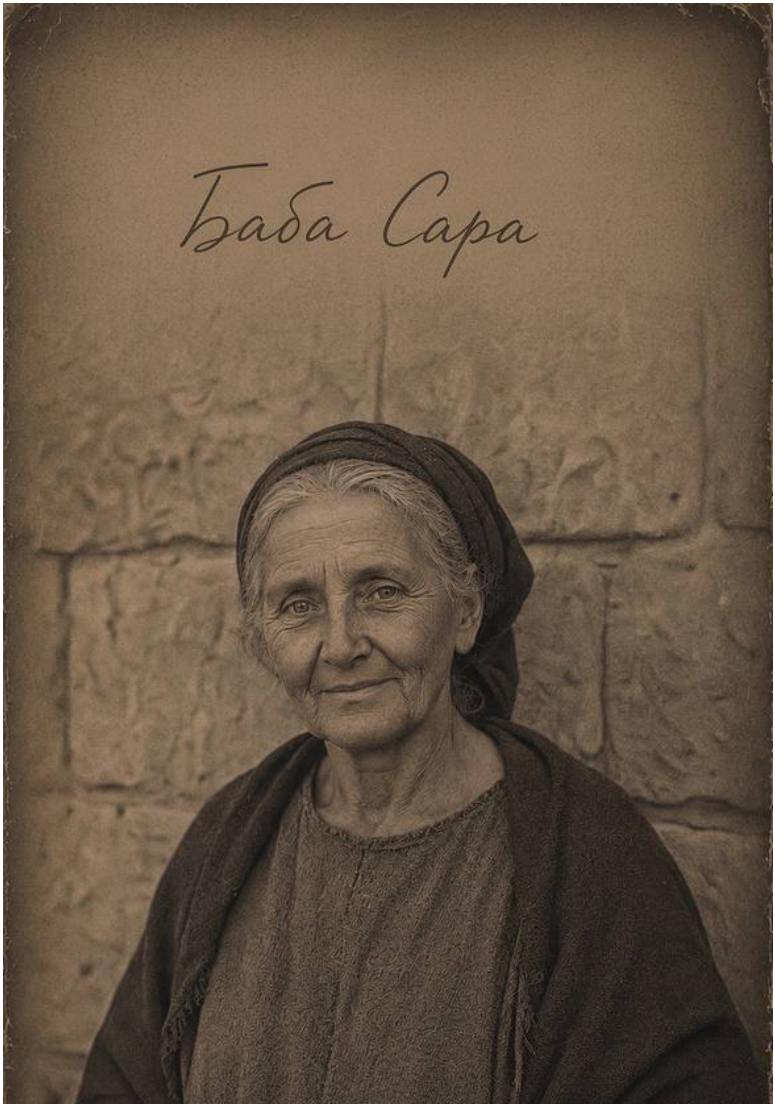
— А что? — зевнул Орест. — Лемуров сегодня уже убили. Вчерашнего утром нашли у старого амбара.

— Это был не последний, — отрезал Пилад. — Портунов тоже видели, где-то у леса. Я слышал, как старухи у колодца говорили.

— Старухи всегда говорят, — усмехнулся Орест. — Им лишь бы почесать языками.

Они посмеялись, но Пилад был серьёзен. Он уже стоял на пороге, поджидая друга. И Орест поднялся и пошёл следом.

У входа они столкнулись с бабой Сарой, которая несла корзину с овощами.

Баба Сара

— Опять за своё, — проворчала она. — Бегают, стреляют. Хоть бы маме помогали.

— Мы помогаем, — ответил Пилад. — Мы защищаем город от зла.

— Зла, говоришь, — покачала головой баба Сара.

— Да, зла, — твёрдо ответил Пилад.

— Ладно, баба Сара, — ответил Орест, уже беря друга за локоть — Мы пойдём. Приключения ждут.

— Ну-ну. Только смотрите, герои мои, чтобы приключения вас самих не сожрали. Возвращайтесь к вечеру, я лепёшек напеку.

— Обязательно, баба Сара! — крикнул на ходу Пилад.

Они шли по городу, и Орест вдруг остановился.

— Смотри, — сказал он, показывая пальцем на стену старого дома. — Там что-то написано.

Пилад подошёл ближе. На облупившейся штукатурке кто-то нацарапал кривые буквы: «МАРК — КОЗЁЛ».

— Это же старый Марк! — засмеялся Орест. — Это про него кто-то написал!

— А ты знаешь, кто это сделал? — хитро прищурился Пилад.

— Ну… — замялся Орест, пряча глаза.

— Ты, что ли?

— Не знаю… может, и я. Помнишь, он в прошлом году наступил мне на ногу и не извинился?

— Пилад, ему семьдесят лет!

— Ну и что? Герои не прощают обид!

— А герои рисуют на стенах гадости?

— Ну… это не гадость. Это правда. Он козёл.

Они оба расхохотались.

— Идём, — сказал Пилад, вытирая глаза. — Надо ещё ту хибару проверит. Я там вчера следы видел.

— Следы? — оживился Орест. — Какие следы?

— Обычные. Мокрые. Будто кто-то из воды выполз и пошёл в сторону города.

Орест перестал смеяться.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Поэтому я и хочу туда сходить.

— А может, просто кто-то с коммуны из бани шёл?

— В бане никто не моется уже два года. И следы были нечеловеческие.

— Ну, — сказал Орест, — тогда пошли.

И они пошли. Но по пути Пилад сорвал ветку и хлестнул Ореста по плечу.

— Вот тебе, герой!

— Ах ты! — заорал Орест, вырывая другую ветку. — Получай, злодей!

Они носились по руинам, хлеща друг друга, пока не устали. Упали на траву и просто лежали, глядя в небо.

— Если бы не эти монстры, — сказал Орест, — мы могли бы быть обычными детьми, представляешь?

— Обычными? — Пилад повернул голову. — Скучно.

— Ну не знаю. Бегать, играть, на речку ходить…

— В этой речке лемуры водятся, — усмехнулся Пилад. — Так что мы лучше наших дел не найдём.

Они полежали ещё немного, потом поднялись и пошли к той самой хибаре.

Дом стоял у самой старой дороги, почти скрытый кустами и бузиной. Раньше он, наверное, принадлежал какому-нибудь богатому римлянину — стены были сложены добротно, и даже сейчас, с провалившейся крышей, он выглядел крепче других домов.

— Смотри, — сказал Пилад, подходя ближе. — Следы.

Они были. Мокрые, тёмные, ведущие от леса прямо к дому.

Они подошли к двери. Она была закрыта, но доски подгнили, и Пилад без труда выбил их ногой. Внутри — пусто.

— Там, — прошептал Орест, показывая на люк в полу.

Он был приоткрыт. Из щели сочился влажный воздух. Они полезли вниз.

Подвал оказался большим и затопленным. Вода была по щиколотку.

В углу, на обломке колонны, сидела девочка. С виду — лет четырнадцати, не больше. Белая кожа, длинные мокрые волосы, закрывающие лицо. Она была обнажена, но мальчики этого почти не заметили — взгляд приковывали руки. Длинные. Слишком длинные, бледные.

— Эй, — сказал Орест, делая шаг. — Ты как здесь оказалась?

Пилад схватил его за руку.

— Не подходи, — прошептал он.

А девочка подняла голову.

Лицо её было красивым. Но глаза были мутными. Она улыбнулась как зверь смотрящий на добычу

— Орест, — сказала она, и голос её был как вода — Ты не боишься меня?

— Ты… кто ты? — спросил он, вытаскивая нож.

Она встала слишком плавно для человека. Вода вокруг неё колыхалась.

— Меня звали по-разному, — сказала она, склонив голову набок. — нимфа, водяная, русалка. Но я просто ребёнок. Я ждала вас а вы так долго не приходили.

Она шагнула вперёд, и от её ног по воде пошли круги.

— Вы убьёте меня? — спросила она. — Я знаю вы убиваете всех нас… вы даже не знаете, кто мы. Вы просто режете, как скот.

Пилад выстрелил. Стрела вошла в плечо нимфы. Она даже не дрогнула. Просто посмотрела на стрелу, торчащую из тела, и легко вытащила её.

— Больно, — сказала она. — Это вы умеете. Делать больно.

Она сжала стрелу, и та рассыпалась в труху.

— Но я вас не трону. Я хочу сказать вам кое-что. О том, что ждёт вас. Вы не герои, а просто мальчики, которые убивают то, чего не понимают.

Она смотрела на них мутными глазами.

— Я не верю тебе, — сказал Пилад. — Ты — тварь. Такая же, как лемуры.

Нимфа улыбнулась.

— Твари. Лемуры. Портуны. Все, кто не такой, как вы, — враги. Правильно? — Она покачала головой. — Вы даже не знаете, кто вы сами. Но вы узнаете скоро. Один из вас умрёт и воскреснет.

Орест выхватил нож.

— Заткнись! — закричал он. — Ты не знаешь нас!

— Знаю, — сказала она тихо. — Я вижу воду. А в воде видно всё.

Она шагнула к ним ближе. И Пилад выстрелил снова — в голову.

Стрела пробила череп, и нимфа замерла. Улыбка исчезла с её лица. Она посмотрела на мальчиков, открыла рот, как будто хотела что-то сказать. И упала в воду, как тряпичная кукла.

Тишина.

Вода вокруг неё медленно успокаивалась, чернея от крови.

Они стояли и смотрели. Орест дрожал. Пилад опустил лук.

— Она знала наши имена, — прошептал Орест. — Как она могла знать?

Пилад молчал.

А потом вода зашевелилась.

Мелкие круги, расходящиеся от тела нимфы. Они становились всё шире, пока вода не начала бурлить, как в котле. Тело нимфы дёрнулось и ушло под воду, исчезло, словно его кто-то схватил и потянул вниз.

— Пилад… — начал Орест.

Но договорить не успел.

Из глубины поднялось нечто. Сначала — спина, серая, покрытая слизью, с тёмными чешуйками, которые поблёскивали в тусклом свете. Потом — плечи. Шея. А затем — голова. Огромная, плоская, с маленькими глазками и руки — длинные, с перепонками, которые касались стен, словно щупальца.

Оно поднималось. Вода стекала с его тела ручьями, и каждый звук отдавался эхом в подвале.

— Это… — прошептал Орест, отступая на шаг.

— Бей! — закричал Пилад, натягивая лук.

Стрела вонзилась в грудь чудища. Но оно даже не остановилось.

Орест выстрелил следом. Ещё одна стрела. Третья. Четвёртая. Он не останавливался.

Чудище взревело — так, что с потолка посыпалась штукатурка. И двинулось на них.

— Ножи! — крикнул Пилад, бросая лук и хватая нож.

Они бросились на него вдвоём. Пилад — справа, Орест — слева. Резали там, где могли достать. Но кожа была толстой. Ножи скользили, оставляя только царапины.

Чудище схватило Ореста за плечо и сжало. Тот закричал.

Пилад ударил его в руку — туда, где сустав. Нож вошёл глубже. Чудище дёрнулось, но не отпустило.

— Отпусти его! — заорал Пилад и ударил снова. В глаз.

Нож вошёл до рукоятки.

Чудище взревело, разжало пальцы, схватилось за глазницу. Орест упал в воду, хватая ртом воздух.

— Вставай! — крикнул Пилад, помогая ему подняться.

Они стояли тяжело дыша. Чудище шаталось, но не падало.

— Ещё раз, — сказал Орест. — Вместе.

Они кинулись на него с двух сторон.

Пилад ударил в шею. Орест — в живот. Чудище зашаталось. Они били снова и снова, пока оно не начало оседать лицом вперёд, в воду.

Тяжёлое тело упало с глухим всплеском. Вода стала чёрной от крови.

Они встали над ним.

Орест держался за плечо, из которого сочилась кровь. Пилад вытер лицо, оставляя на нём грязные разводы.

— Она… — начал Орест. — Она сказала, что один из нас умрёт.

— Она была просто тварью. Она не знала ничего.

Они выбрались из подвала, поддерживая друг друга. Солнце уходило далеко за горизонт.

— Нужно бежать, Пилад, а то со стригой мы не справимся.

Они бежали.

Орест захрипел, когда нога подломилась. Пилад не дал ему упасть — подхватил под руку, поволок вперёд. Лук Ореста остался лежать в грязи. Он попытался обернуться, но Пилад дёрнул его резко:

— Не смотри. Беги. Беги, говорю!

— Держись! — крикнул Пилад. — Ещё немного!

Он распахнул дверь плечом. Они ввалились внутрь, не закрыв её.

— Мама! — крикнул Пилад.

Она лежала на земляном полу у дальней стены. Туника её была разорвана от плеча до пояса, из раны на груди текла

тёмная кровь. Она дышала с хрипом.

— Мама! — Пилад бросился к ней, упал на колени. — Мама, кто? Стрига? Она была здесь?

Она открыла глаза. С трудом повернула голову к нему.

— Пилад… мальчик мой… ты пришёл… — Она перевела взгляд на Ореста. — И ты… Орест… мой второй сын… вы оба здесь…

— Я здесь, мама, — голос Пилада дрожал. — Я здесь, я не уйду.

Орест замер у порога. Он попытался шагнуть — и покачнулся, придерживая правую руку. Сквозь пальцы сочилась кровь. Но он шагнул ближе.

— Я здесь, тётя Аридея, — сказал он тихо. — Мы пришли. Мы оба.

— Стрига… — прошептала она. — Она звала меня… твоим голосом, Пилад… и твоим, Орест… я открыла дверь…

Она закашлялась и изо рта вышла розовая пена.

— Всё хорошо, мама, — сказал Пилад. — Мы здесь. Она не войдёт.

Пилад подбросил хворост в очаг — сухие ветки загорелись. Он снял свой плащ и укрыл мать. Она не открывала глаз, но её хрип стал тише.

— Я с тобой, — сказал он.

Орест закрыл дверь. Прислонился спиной к ней и опустился на пол.

Теперь было видно: на его правом плече туника была

разорвана и пропитана кровью — свежей и тёмной. .

— Орест, — позвал Пилад, не оборачиваясь. — Ты как?

— Нормально, — ответил он.

И попытался подняться. Но рука подогнулась, он зашипел сквозь зубы и опустился обратно.

Пилад оглянулся но ничего не сказал.

Он снял с матери Аридеи её платок и разорвал на полосы. Подошёл к Оресту.

— Сиди, — сказал он. — Не двигайся.

Он перевязал плечо и кровь замедлилась.

Они сидели у очага. Мать Аридея спала или была без сознания.

За дверью, во тьме, раздался шёпот. Он звал их по имени

— Мама, открой, — донёсся голос от двери. Голос Пилада. Такой же, как настоящий— Я замёрз. Открой, мама.

— Она подражает, — сказал пилад. — Она всегда подражает.

Орест протянул левую руку и сжал локоть друга.

— Я здесь, — сказал он. — Мы вместе.

Пилад кивнул.

За дверью шептали снова. Но мальчики не отвечали.

Глава Пятая. Месть

Время после той ночи потянулось долго. Рана Аридеи не заживала. А мальчики перестали охотиться вовсе. Сначала думали — на время а позже привыкли. Пилад убрал лук в угол, и он лежал там, покрываясь пылью. Орест помогал бабе Саре на ферме. Теперь их война — это не монстры, а мамино дыхание.

Аридея поднималась к полудню. Садилась у окна, кутаясь в старый платок, и смотрела на улицу. Она улыбалась, глядя, как мальчики возятся во дворе.

— Ты чего, мам? — спрашивал Орест, подходя ближе.

— Ничего, — отвечала она. — Просто смотрю на вас. Я так люблю на вас смотреть.

Город готовился к зиме. Мальчики приносили дрова каждое утро. Пилад рубил, Орест собирал. Они закидывали поленья на спину и шли обратно. По дороге Пилад иногда останавливался и смотрел на небо.

— Мама говорила, что в лесу живут портуны, — сказал он однажды.

— Мы не охотимся, — ответил Орест.

— Я знаю. Я просто вспомнил.

Они возвращались домой, и Аридея уже ждала их у окна. Каждый раз она гладила их по головам. Словно прощалась с каждым волоском на их головах.

Первые холода ударили в конце ноября. Снег пошёл неожиданно ночью, и к утру город стоял белый, как покрывало на мёртвом теле. Мальчики проснулись и увидели, что очаг не горит.

Аридея лежала на лавке, укрытая старым плащом. Глаза её были открыты..

— Мама, — позвал Орест.

Она медленно повернула голову.

— Холодно, — с улыбкой прошептала она. — Замёрзли, мои мальчики?

Они разожгли очаг. Сели рядом с ней. Пилад принёс горячего молока, заварил травы, она отпила всего глоток и отставила чашку.

— Я больше не могу греть вас, — сказала она тихо.

— Что? — не понял Орест.

— Я устала, Орест. Я так устала, что даже не чувствую холода. Только ваши руки — тёплые.

Пилад сжал её пальцы.

— Мы будем греть тебя, мы не дадим тебе замёрзнуть.

— Мальчик мой…

Всю ночь они сидели рядом с ней. Очаг горел, но в комнате становилось всё холоднее. Под утро она открыла глаза. Взглянула на каждого. Словно хотела запомнить каждую чёрточку.

— Хорошие мои, — прошептала она.

И закрыла глаза, её пальцы медленно разжались и рука

стала тяжёлой.

Пилад прикрыл ее плащом и долго сидел, глядя в одну точку. Орест уткнулся в плечо матери и замер. Он лежал, прижимаясь к ней, как в детстве.

Утром пришла баба Сара. Увидела — и не сказала ни слова. Зажгла свечу и поставила у головы Аридеи. Села рядом с мальчиками и обняла их.

— Она не мучилась, — сказала она поглаживая их по спине. — Она ушла тихо.

— Я знаю, — ответил Пилад. — Она улыбалась.

— Это хорошо, значит, она была счастлива. С вами.

Они похоронили её на рассвете. Снег падал крупными хлопьями, укрывая землю. Орест смотрел имя вырезанное на камне кривыми буквами. Пилад стоял рядом, не шевелясь.

Баба Сара ушла первой, сказав, что похлёбка будет ждать. Мальчики остались стоять в тишине.

— Я не знаю, что теперь делать, — сказал Орест.

Пилад помолчал несколько секунд и сказал

— Теперь мы будем жить, как она хотела.

Они переехали к бабе Саре на следующий день после похорон. Она жила в маленьком доме на краю города, в крепком, с низким потолком и толстыми стенами. Она не спрашивала, хотят ли они остаться, а просто постелила им на полу рядом с очагом и накрыла тёплыми плащами сказав:

— Спите. Завтра будет новый день.

Утро начиналось рано. Баба Сара поднималась, разжигала очаг, ставила воду и начинала месить тесто.

— Вставайте, соньки, — говорила она, не повышая голоса. — Дрова кончились, воду надо принести. Работа ждёт.

Они вставали сначала тяжело. Но через неделю привыкли.

Они не боялись работы, делали всё, что попросят. По вечерам они сидели у очага.

Баба Сара рассказывала истории. Про жизнь. Про то, как она встретила своего мужа, который умер от лихорадки, что растила детей, которых забрала чума.

Через месяц они уже сами ходили в коммуну, работали наравне со взрослыми. Адриан, тот самый фермер, которого Пилад когда-то презирал, стал их напарником.

Зимой они больше сидели дома. Баба Сара учила их читать — по старым книгам, которые сохранились у неё. Латынь, которую они знали плохо, вдруг становилась понятнее.

— Вы должны уметь читать, — говорила она. — Мир не только из топора и стрелы. Мир из слов. Когда вы научитесь читать, вы сможете понять, кто вы есть.

Так прошёл год.

Они изменились. Стали выше, шире в плечах. В конце лета, когда дни стали короче, баба Сара попросила их разобрать старый сарай.

— Там хлам лежит ещё с тех времён, когда мой муж был жив, — сказала она. — Разберите, что можно сжечь, а что оставить. Может, найдёте что-то полезное.

Они взяли топоры и пошли. Сарай стоял на задворках, заросший плющом и крапивой, с прогнившей крышей. Солнце едва пробивалось сквозь щели.

— Ну и бардак, — сказал Орест, оглядываясь.

— Зато есть чем заняться, — ответил Пилад, берясь за доски.

Они работали молча. Вытаскивали сгнившие доски, перебирали ржавые инструменты. Потом Орест наткнулся на что-то твёрдое, зарывшееся в земляной пол у самой стены. Он опустился на корточки, начал разгребать землю руками. Пальцы нащупали холодный металл.

— Пилад, иди сюда.

Пилад подошёл, встал рядом, глядя, как Орест откапывает что-то.

— Помогай, — сказал Орест.

Они вытащили его вдвоём.

Это был меч. Старый, с тёмными пятнами на лезвии, но целый. В длинных ножнах из почерневшей кожи, которые рассыпались от прикосновения, обнажая серебристый металл. Рукоять была обмотана тонкой проволокой, и на ней поблёскивал тусклый ободок — серебряный или старый, выцветший.

Орест поднял его. Меч оказался тяжёлым.

— Сталь, — прошептал он. — Настоящая.

Пилад провёл пальцем по лезвию. Оно было острым — ржавчина не тронула его.

— Это не просто меч, — сказал он тихо. — Посмотри на рукоять. Серебряный ободок. Я слышал от старого Марка, такие делали для охотников на нежить.

Они переглянулись. И забрали его с собой.

Они вышли во двор.

Солнце стояло высоко. Пилад взял меч в руки, покрутил, привыкая к весу. Орест стоял напротив с деревянной палкой которую нашли в сарае, обстругали на скорую руку.

— Ну давай, — сказал Пилад. — Покажи, чему ты научился у бабы Сары.

— Ты первый, — усмехнулся Орест.

Пилад шагнул вперёд. Меч свистнул в воздухе Орест легко отбил палкой.

— Ты как старуха с клюкой машешь, — сказал он.

— Зато у меня меч, а у тебя палка, — огрызнулся Пилад.

Он замахнулся снова. И снова. И снова. Пилад быстро привыкал к оружию — меч ложился в руку, движения становились увереннее. Орест уклонялся, отбивал, учился читать противника. Потом менялись.

— А ты ничего, — сказал Пилад, когда Орест чуть не задел его плечо.

— Я всегда был лучше, — усмехнулся тот.

Они не замечали, как солнце опускается всё ниже.

— Ещё раз, — сказал Пилад, когда Орест уже начал запыхался.

— Давай, — ответил тот, поднимая меч.

Они ударили одновременно. Палка треснула, меч вылетел из руки Пилада и со звоном упал на землю.

— Блин, — выдохнул Пилад. — Устал.

Орест тоже опустился на землю.

— Хорошо, — сказал он. — Давно я так не смеялся.

— Я тоже, — ответил Пилад.

Они сидели, переводя дыхание. Вдруг Пилад поднял голову и посмотрел на небо.

— Вечер уже, — сказал он.

— Ага, — ответил Орест. — Надо идти.

— Да, надо.

Они поднялись и пошли к дому. Внутри их ждала баба Сара.

Меч принесли в дом, положили у очага. Баба Сара увидела, но не сказала ни слова. Только покачала головой, будто знала что-то.

Тут Орест спросил:

— Баб Сара, — начал он мягко. — Ну расскажи нам, откуда у тебя этот меч? Не мог же он просто из воздуха взяться.

Баба Сара отмахнулась, помешивая что-то в горшке.

— Да я не знаю, — буркнула она. — Так, старьё какое-то.

— Баба Сара, ну пожалуйста, — сказал Пилад. — Ты же знаешь, как мы любим твои истории.

Баба Сара подняла на него глаза, будто раздумывая. Поставила горшок на лавку и села напротив.

— Ну ладно, — сказала она. — Но это по секрету. Никому ни слова, даже мёртвым. Когда-то, очень давно, ещё до того, как Рим построил здесь свои бани, мой дедушка был кузнецом. Не простым, а он умел ковать железо так, что оно помнило своё тепло. И даже подкову, что не ломалась. Но главное, он умел делать оружие. Особое оружие. — Она подняла меч, повернула его так, что пламя очага отразилось в лезвии. — Говорят, однажды к нему пришёл охотник, который убивает то, что не умирает. Он сказал, что в этих землях поселилась стрига, которую нельзя достать обычным железом. Ни мечом, ни стрелой. Только сталь, закалённая в источнике, который римляне потом назвали Аквами Сулиевыми, могла ранить её. А чтобы убить — нужно было добавить в неё серебро и слова.

— Слова? — переспросил Орест.

— Да, слова. — Баба Сара кивнула. — Мой дед ковал этот меч три ночи подряд. Каждую ночь он шептал над ним древнюю молитву — ту, что знали только старые бритты. Он вплавил в лезвие серебряный ободок, окунул его в целебный источник, оставил на три дня в лунном свете… и отдал охотнику. Тот ушёл — и убил стригу. Но говорят, что не одну.

— А как он попал к тебе? — спросил Пилад.

Баба Сара улыбнулась.

— Мой муж нашёл его в старом кургане, когда был молодым. Он не знал, что это такое — просто думал, что это красивый меч. Принёс домой, положил в сарай и забыл. А я… я никогда не придавала этому значения. Думала, просто старый клинок. — Она перевела взгляд на них. — Но вы, видно, принесли его туда, где он должен быть. Вы — те, кому он нужен.

И в этой тишине раздался стук в дверь.

Тихий робкий. Как будто кто-то стучал костяшками пальцев, не решаясь войти.

— Сара, — раздался голос из-за двери. — Открой. Я вернулся.

Глаза бабы Сары намокли в мгновение. Она отвернулась к стене, быстро вытерла глаза рукавом. Но голос дрогнул, когда она прошептала:

— Стрига… давно она не приходила ко мне.

Пилад и Орест переглянулись. Сердце застучало быстрее.

Стук повторился. Громче и настойчивее. Дверь задрожала от ударов, и с потолка посыпалась мелкая пыль, закружилась в свете очага.

— ОТКРЫВАЙ! — голос сорвался на крик, уже не похожий на человеческий. В нём было что-то звериное. — САРА, ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ?!

Старушка побледнела так, что лицо её стало одного цвета с седыми волосами. Губы задрожали, руки вцепились в край

стола, словно она пыталась удержаться за землю, чтобы не упасть.

Дверь ходила ходуном. Удары сыпались один за другим, и в щели просачивался холодный воздух, гасящий тепло очага.

— Баба Сара, — сказал Пилад, вставая и хватая меч. — Она не войдёт.

— Не должна, — прошептала старушка. — Не должна. Она не может войти, пока мы не позовём. Пока мы не откроем.

— Но она же стучит, — сказал Орест, поднимаясь следом. — Что, если она выбьет дверь?

— Не выбьет. Ей нужен приглашающий. Она не может… не может войти без зова. Мы просто не будем открывать.

Стук стал ещё сильнее. Голос за дверью уже не походил на голос мужа — он был хриплым и разорванным.

— ОТКРОЙ, САРА! Я ЗНАЮ, ЧТО ТЫ ДОМА! Я ВИЖУ СВЕТ!

Мальчики замерли. Внутри всё сжалось.

— Она злится, — прошептал Пилад. — Она знает, что мы здесь.

— Она знает, что у нас есть меч, — добавил Орест, сжимая рукоять.

Баба Сара перевела дыхание. Медленно выпрямилась. Посмотрела на мальчиков, потом на дверь, которая ходила ходуном от ударов.

— Если она продолжит, — сказала она тихо. — Она может

ослабить дверь. Она может ворваться.

— Тогда мы встретим её, — сказал Пилад, поднимая меч.

Пилад шагнул к двери, встал за ней, чуть сбоку, чтобы удар пришёлся в открытое пространство. Орест — на полшага позади, с ножом в руке. Баба Сара замерла у очага. В доме стало тихо — только удары по дереву и скрежет.

— Ты не войдёшь! — крикнула старушка вдруг, и голос её дрогнул, но не сорвался. Ты меня не проведёшь!

Стрига взвыла за дверью — громко, пронзительно, с такой нотой, что у мальчиков заложило уши. Удар. Ещё один. И дверь с треском распахнулась.

На пороге, освещённая пламенем очага, стояла она. Высокая, сухая, в разодранных лохмотьях, с длинными белыми пальцами, которые сжимали дверной косяк, сдирая с него кору. Волосы закрывали её лицо — но они шевелились, как живые. Из-под них доносился шёпот:

стрига

— Capa…

Часть II

Глава шестая. Взросления

Стрига набросилась на бабу Сару. Когда длинные пальцы сжали её плечи старушка покачнулась, упав на колени, и стрига вцепилась в её шею — мёртвой хваткой. Пилад рванулся вперёд с мечом. Он видел, как стрига пьёт кровь. И не мог двинуться с места. Орест ударил сзади, со всей силы и злости, что накопилась в нём за этот год. Меч вошёл стриге между лопаток. Она взвизгнула но не отпустила ее. Тогда Орест ударил снова. Стрига дёрнулась, разжала зубы, и баба Сара рухнула на пол, с тёмной раной на шее.

— Бей! — крикнул Орест.

Пилад очнулся. Меч со свистом вошёл в грудь стриги. Она закричала — и начала рассыпаться на пепел..

— Жива, Жива.— Трясущим голосом выпалил Пилад.

Орест бросил меч и упал рядом с ней.

— Баба Сара… — прошептал он.

Она открыла глаза. Улыбнулась разбитыми, окровавленными губами. И сказала:

— Бегите. Уходите из этих проклятых земель.

— Нет, мы не уйдём, мы будем рядом, — сказал Пилад.

— Мальчики… бегите в Рим. Там живут… мои… мои…

родственники. Если вы их найдёте… скажите… что со мной всё в порядке. Я вас отправила… Найдите… Гая Велерия, и они вас примут… как родных. — Она закашлялась, прижала руку к груди.

— И помните, мальчики… живите так, чтобы о вас слагали легенды.

— Баба Сара, мы тебя не бросим! Ты поправишься, бабулечка, — выпалил Орест, сжимая её руку. — Мы вылечим тебя. Мы найдём травы, позовём знахаря…

— Ох, Орест, — прошептала она, повернув голову к нему. — Я уже не жилец.

— Нет, — сказал сказал Пилад.

— Да, — ответила она. — Просто побудьте со мной до конца ночи.

Они сидели у очага. Снаружи ночь была чёрной, но внутри, у огня, было тепло и больно одновременно. Баба Сара лежала на лавке, укрытая старым плащом, и рассказывала о своей молодости, смеялась над собой, говорила, что была краше любой римской богини. Рассказывала легенды. О том, как земля дышит под старыми холмами, как нельзя рубить вековые деревья, иначе духи уйдут. Она старалась удержать их внимание, заставить забыть о том, что происходит, даже шутила, когда голос её слабел. А когда огонь догорел, она открыла глаза в последний раз. И попросила сжечь дом, когда она уйдёт. Они пообещали. Она улыбнулась и больше не открывала глаз. Они сидели рядом с ней, пока свет заполнял

комнату. Никто не плакал.

Они вынесли из дома всё, что имело ценность, а потом подожгли дом. Огонь поднимался высоко, и дым уходил в утреннее небо, смешиваясь с туманом. Они стояли рядом и смотрели, как пламя забирает последнее, что держало их здесь.

Глава седьмая. Странный сон

Они шагнули на рассвете. Туман висел над полями, когда они вышли на старую римскую дорогу, что вела на юго-восток. Они шли молча, слушая только шаги и редкие птичьи голоса в придорожных кустах.

На привале Орест достал старую карту.

— Нам нужно идти на юго-восток, в сторону Лондиния, — сказал Орест, водя пальцем по карте. — А после мы дойдём до Дубриса. Там сядем на корабль и переплывём на материк, а дальше доберёмся до Рима.

Пилад поднял бровь, глядя на друга с усмешкой.

— Ага, умник. А как мы вплавь пойдём? Руками грести будем?

Орест перевернул свёрток с вещами и хлопнул по нему ладонью.

— Я думаю, мы продадим что-нибудь из старых вещей бабы Сары. Там есть что-то ценное. Нам этого хватит.

— Ладно, — сказал Пилад, и в голосе его уже не было насмешки, только усталое согласие. — Я думаю, ты прав. Это хорошая идея. Мы дойдём. И мы переплывём.

Они свернули карту, сунули её обратно за пазуху и пошли дальше. Солнце поднималось всё выше, и дорога сама вела их вперёд.

Они шли по дороге весь день, но усталость давала о себе

знать. Ведь наши герои не спали всю ночь. У обоих глаза были красные, ноги еле поднимались. Все сумки они тащили по земле.

— Брат, может, поспим? — устало сказал Орест, спотыкаясь о камень.

— Да ты устал что ли? — Пилад попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Мы почти пришли

— Орест остановился и уставился на друга с таким выражением, будто услышал самую глупую шутку в своей жизни.

— Я видел карту, — сказал он тяжело. — Я знаю, сколько нам идти. Мы даже трети пути не прошли.

Пилад некоторое время стоял молча, глядя вдаль, на дорогу, которая всё уходила вперёд.

— Разве? — спросил он удивленно. — Такое ощущение, что мы уже пришли.

Он опустился на траву, и мешок выпал из его рук.

— Нет, Пилад, — сказал Орест, садясь рядом. — Нам нужно отдохнуть. Пока ночь не наступила. У нас нет крыши над головой. Сейчас поспим вместе, а к ночи будем меняться, чтобы один караулил.

Пилад перевёл дыхание.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо, брат.

Они развели небольшой костёр у обочины, съели по куску хлеба, выпили воды из фляги и укрылись одним плащом.

Где-то вдалеке лаяла собака. Ветер шевелил листву. И они уснули, прижавшись друг к другу.

Проваливаясь, Пилад вошёл в сонное царство. Сначала была только темнота. Потом она начала рассеиваться, и он увидел себя.

Он стоял перед большим зеркалом. Старым, в треснувшей серебряной раме. Стекло было мутным, но когда он приблизился, его собственное лицо начало проступать сквозь пелену.

Но это был не он. Или он, но не тот, кого он знал. Взрослое лицо, изрезанное глубокими шрамами. Кожа была бледной, и глаза мутными.

— Ты знаешь, — прошептало отражение.

Отражение улыбнулось. Но улыбка не коснулась глаз.

Зеркало пошло трещинами. Отражение начало таять и в его глазах он увидел бесконечную воду. Она тянулась к нему, затягивала его внутрь.

— Пилад!

Голос Ореста вырвал его из сна. Он резко открыл глаза, сердце колотилось. Рядом сидел Орест, сжимая его плечо.

— Ночь наступает, — сказал Орест, глядя на темнеющее небо. — Пора одному из нас сидеть на карауле.

Пилад пытался прийти в себя.

— Пилад, — позвал Орест, легонько тряхнув его за плечо. — Ты как?

— Нормально, — хрипло ответил он. — Всё нормально. Я сам посижу. Ты ложись.

Орест недоверчиво посмотрел на друга. Хотел возразить,

заметив, что у того руки дрожат. Но Пилад уже поднялся.

— Ложись, — повторил он уже увереннее. — Мне надо просто посидеть. Развеять мысли.

Орест поколебался, но усталость взяла своё.

— Если что — разбуди, — сказал он, уже закрывая глаза.

— Разбужу, — ответил Пилад.

Орест проснулся от холода, когда первые звёзды уже начали тускнеть на востоке. Увидел Пилада — тот сидел неподвижно.

— Сменяйся, — сказал Орест, подходя и садясь рядом. — Я посижу.

Пилад кивнул, не говоря ни слова. Отошёл к плащу, упал на землю и провалился в сон.

Ночь прошла

Утром они встали, собрали вещи, разобрали костёр и снова пошли.

Глава Восьмая. Знакомые лица

Прошло несколько недель с тех пор, как Орест и Пилад покинули Аквы. За это время дорога успела сменить своё лицо.

Однажды вечером они остановились у небольшой рощи, когда до ближайшего поселения оставалось ещё несколько миль. Солнце уже клонилось к закату. Они решили сделать привал, развести костёр и переночевать у дороги.

Орест первым услышал шум. Он резко остановился и поднял руку, заставляя Пилада замереть.

— Ты слышал?

Пилад уже снимал лук с плеча, вслушиваясь в тишину.

— Да.

Из глубины леса донёсся протяжный рык, похожий на кашель старого зверя. Звуки нарастали. Из леса показался первый волк. Огромный, серый, с горящими жёлтыми глазами. За ним — ещё один. А потом между деревьями начали появляться десятки светящихся глаз, окруживших их полукольцом.

кельтские Волки

Пилад натянул тетиву.

— Ну вот, — сказал он спокойно. — А я уже начал думать, что дорога будет скучной.

Орест ничего не ответил. Он смотрел на чудовищ.

Волки завыли. Но никто не рванул вперёд. И тогда Орест сделал шаг вперёд.

В это время Пилад выпустил стрелу. Она рассекла воздух и с глухим стуком пробила голову одному из волков. Тот дёрнулся, захрипел и рухнул на землю.

Волки бросились вперёд одновременно. Орест, не раздумывая, выхватил меч, и первый зверь уже летел на него, но он встретил его остриём, ударив в раскрытую пасть. Толстая шкура поддалась с трудом, но лезвие вошло глубоко.

Пилад стрелял снова и снова. Одна стрела — и волк падает, заваливаясь на бок. Ещё одна — и следующий начинает захлёбываться собственной кровью. Он не останавливался, пока колчан не опустел.

Орест рубил мечом, как одержимый. Удары сыпались один за другим. Волки падали, но на их месте появлялись новые. Кровь смешивалась с грязью.

А потом они кончились. Остался последний.

Он стоял в стороне, не нападал. Он был меньше остальных, ещё не до конца прорезавшейся жёсткой шерстью, большими уши, он был напуган. Даже не рычал.

Запыхавшиеся парни смотрели на него. Пилад медленно

поднял нож, готовясь нанести последний удар.

— Не надо, — сказал Орест. — Он же всего…

И в эту секунду из леса раздались крики.

— Они тут!

— Окружай их!

Парни резко обернулись. Между деревьями замелькали тени — люди. Вооружённые и с факелами.

— Пилад, — сказал Орест, сжимая рукоять. — Это не волки.

— Я знаю, — ответил Пилад.

Волчонок, воспользовавшись моментом, рванул в лес.

А из чащи вышли люди. С холодными глазами и оружием в руках. Их было человек десять. Они с озверевшим видом подбежали к парням, остановившись в нескольких шагах. Тот, что был впереди, с длинным ножом на поясе, окинул взглядом поле боя: туши волков и кровь на земле.

— Это вы вдвоём сделали? — спросил он, переводя дыхание.

Пилад молчал. Орест покосился на него, но тоже не спешил отвечать.

— Мы за этими падальщиками гонялись очень долго, — сказал другой, постарше, с сединой в бороде. Он сплюнул на землю и указал рукой в сторону леса. — От самого города мы их повели. А вы вдвоём убили целую стаю.

Он перевёл взгляд с Пилада на Ореста.

— Вы кто такие?

Пилад выпрямился и посмотрел на старшего в упор.

— Да если бы не мы, — сказал худой из толпы, криво усмехаясь, — вы бы даже одного не убили. Они просто на испуганных щенков нарвались.

Пилад повернулся к нему. Взгляд его стал холодным.

— Да, — сказал он, не повышая голоса. — Да ещё нужно постараться, чтобы убить четырнадцать волков, когда они бегут на тебя со всех сторон. А ты стоял бы и смотрел, как они жрут твоих людей. Мы закончили вашу охоту.

Тишина повисла в воздухе.

Старший улыбнулся.

— Слышали, парни? Это они закончили нашу охоту. — Он снова посмотрел на Пилада. — Ладно. Будем считать, что вы нам жизнь спасли. Эти твари уже вторую неделю таскали скот. Мы шли по их следу.

Он протянул руку.

— Меня зовут Гай. Я бывший преторианец.

Пилад пожал его руку.

— Пилад, — сказал он. — Это Орест.

Гай кивнул.

— Два парня, которые перебили стаю волков в одиночку. Таких в наших краях давно не видели. — Он оглянулся на своих людей, которые уже начали собирать туши. — Мы можем вам помочь. У нас есть лагерь недалеко. Еда, крыша над головой. А завтра решим, что с вами делать.

Он усмехнулся.

— Идёте?

— Да, идём.— уставшим голосом сказал Орест.

—Гай усмехнулся.— Хороший выбор, парни. У нас сегодня похлёбка с мясом. И вино, если не брезгуете.

Пилад шёл молча, Орест рядом, чуть пошатываясь от усталости.

— Я спать хочу, — сказал он.

— Поспишь, — ответил Пилад. — Скоро.

Они вошли в лагерь. Дым, смех, запах горячего мяса.

Они сели у огня. Вокруг костра расположилось всё поселение. Люди сидели на брёвнах, кто-то прямо на земле, подстелив плащи. Где-то смеялись дети, женщина помешивала что-то в котле. В воздухе пахло дымом и мясом.

Гай поднялся на ноги и хлопнул в ладоши, привлекая внимание.

— Слушайте все! — сказал он громко. — Эти двое парней, которых мы привели с собой, только что перебили всю стаю волков, что терроризировала наши земли. Не бежали от них. Встали и зарубили их, как настоящие воины!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.